

Урсула Хоффманн-Ланге

ГРАЖДАНЕ И ЭЛИТЫ ВО ВРЕМЕНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ВОЛНЕНИЙ

Глубокий финансовый, экономический и налоговый кризис 2008 г. стал началом широких протестных движений, направленных против сокращения государственных бюджетов и социальных выплат в большинстве европейских и североамериканских демократий. Поскольку ответственность за данный кризис приписывалась безответственному поведению частных финансовых институтов и неолиберальной политике демократических правительств, кризис не только обострил неудовлетворенность политическими акторами и капиталистическими рынками, но и усилил общественную поддержку требований НПО и политических партий предоставить обычным гражданам больше возможностей для прямого влияния на принимаемые политические решения. В статье рассматривается вопрос, изменил ли кризис фундаментальным образом отношения элит и граждан за счет ускоренного разрушения традиционных связей между элитами и массами в старых демократиях, ослабления общественной поддержки институтов политического представительства и решений правительства в целом. В то время как некоторые социологи приветствовали эти тенденции, видя в них возможности давления на демократии с целью предоставления гражданам больше возможностей для прямого влияния на политические решения и, таким образом, повышения качества демократического строя, в статье будет показано, что такие ожидания не находят отражения в реальности. И теория элит, и эмпирическая политическая социология доказывают наличие менее благоприятных последствий усиления прямого демократического участия граждан в принятии политических решений. В теории элит утверждается, что определенный уровень автономности элит необходим для возможности реализации ими целостной и устойчивой политики, а эмпирическая политическая социология показывает, что политические интересы и вовлеченность граждан в политику не только ограничены, но и в высшей степени неравномерны. Поэтому времена активного участия граждан являются сложными периодами для элит в целом и для демократической политической элиты в частности. Основание их власти становится менее стабильным, а их карьеры более подвержены поражению на выборах. В связи с этим они скорее будут придерживаться краткосрочных стратегий для максимизации своих карьерных перспектив. Подобные тенден-

ции ведут к росту волатильности и непоследовательности демократической политики в будущем.

Ключевые слова: элиты, граждане, кризис, НПО, политические партии, демократия, политическое участие, политические карьеры.

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая рецессия, связанная с финансовым, экономическим и налоговым кризисом имела глобальные последствия и вынудила правительства во всем мире отреагировать на экономический спад и налоговые проблемы. Практически во всех демократиях, как старых, так и новых, это стало причиной широких политических протестов. В статье речь пойдет о политических последствиях этих протестных движений для европейских и североамериканских демократий. Будут рассмотрены следующие взаимосвязанные вопросы:

1. Насколько глубоко влияние рецессии на выборы и стабильность правительств в европейских и североамериканских демократиях?

2. Демонстрируют ли вызванные кризисом массовые протесты новое качество протестного движения, или это лишь временная реакция на трудности, возникшие вследствие правительственных мер по борьбе с кризисом?

3. Если текущие протесты должны восприниматься как индикаторы общей тенденции к увеличению политического участия граждан, которая только усилилась за счет кризиса, то какое влияние это окажет на качество демократии в Европе и Северной Америке? Является ли это закатом «делегативной демократии» и можем ли мы сказать «прощай, элита»? Приблизимся ли мы к идеалу демократии, которая осуществляется не только для народа, но и самим народом? Или это приведет к эрозии институтов представительской демократии и станет причиной анархии?

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ РЕЦЕССИИ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ ВОЛАТИЛЬНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ЕВРОПЕЙСКИХ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ДЕМОКРАТИЯХ

Первый и самый важный вопрос, который следует рассмотреть, — это вопрос о влиянии кризиса на выборы в странах, участвовавших в исследовании, т.е. в демократических странах Европы и Северной Америки. В Европе помимо 28 стран, входящих в ЕС (включая Хорва-

тию с июля 2013 г.), были рассмотрены еще три государства, имеющих рейтинг Freedom House — «свободные»: Исландия, Норвегия и Швейцария. В таблице 4 в приложении приведены основные экономические показатели этих 33 стран. По уровню ВВП на душу населения их можно разделить на три группы: посткоммунистические страны (за исключением Словении) являются наиболее бедными с национальным доходом менее 20 000 дол. США на душу населения. ВВП стран юга Европы составляет от 18 000 до 35 000 дол. США на душу населения, а в старых демократиях на севере и западе Европы, а также в Северной Америке этот показатель составляет более 38 000 дол. США. Разброс в третьей группе очень большой: от немногим менее 40 000 дол. США в Великобритании и Франции до более 100 000 долларов США в Норвегии.

Беглый анализ динамики ВВП в 2009 г. показывает, что только одна из 33 стран — Польша — продемонстрировала небольшой экономический рост в 2009 г. Из таблицы также видно, что три прибалтийских государства — Эстония, Латвия и Литва — больше остальных пострадали от рецессии в 2009 г., но быстро восстановились. Норвегия и Румыния также смогли восстановиться, в то время как Греция (–3,9 % в 2013 г.), Португалия (–1,4 %), Испания (–1,2 %) и Хорватия (–1,0 %) все еще борются с продолжающимся кризисом.

В 2011 г. показатели безработицы выражались двузначными числами в одиннадцати из 34 стран, в том числе в трех прибалтийских государствах, в четырех других посткоммунистических странах (Болгария, Хорватия, Венгрия и Словакия), а также на юге Европы в Греции, Италии, Испании и Португалии. Это показывает всю серьезность данного кризиса и его наиболее яркое проявление в более бедных странах, в то время как более богатые были затронуты намного меньше.

Данные о выборах в таблице 5 в приложении и в таблице 1 позволяют определить политическое влияние кризиса с помощью сравнения результатов выборов как косвенного инструмента измерения уровня доверия правящим политическим партиям. С начала 2008 г. до середины сентября 2014 г. в 33 странах было проведено 58 выборов в органы законодательной власти. В 19 странах выборы уже состоялись дважды, а в Греции, Словении и США — трижды; 22 раза выборы эти были досрочными. За исключением трех стран с фиксированными сроками легислативных полномочий (Норвегия, Швейцария и США) досрочные выборы составили более двух пятых всех проведенных выборов (41,5 %). Но хотя досрочные выборы проводились, вероятно, чаще

обычного, в некоторых странах решения о проведении досрочных выборов никак с кризисом связаны не были (например, в Австрии — в 2008 г., в Канаде — в 2008 и 2011 гг.¹, в Бельгии — в 2010 г., в Италии — в 2008 г., в Нидерландах — в 2010 г.).

В таблице 1 отражена информация о различиях между тремя вышеуказанными группами стран. На первый взгляд кажется удивительным, что экономический кризис и экономическая и фискальная политика действующих правительств стали главной темой менее чем в 60 % предвыборных кампаний. Вероятно, это связано с тем, что некоторые выборы 2008 г. прошли до банкротства «Lehman Brothers». К недавним же выборам, особенно прошедшим с 2013 г., многие страны, напротив, уже успели восстановить свою экономику и на первый план вышли другие вопросы. Помимо этого в некоторых странах тему кризиса затмили внутривнутриполитические противоречия, например конституционные вопросы, коррупция в правительстве, другие политические скандалы, этнические конфликты или иммиграционные вопросы.

Рассматривая случаи досрочных выборов, можно сказать, что в одиннадцати посткоммунистических демократиях они состоялись реже, чем в странах двух других групп. Только пять из этих государств провели досрочные выборы с 2008 г. (Латвия — в 2011 г., Словакия — в 2012 г., Болгария и Чешская республика — в 2013 г., Словения — в 2011 и 2014 гг.). Менее чем в трети случаев выборы в странах данной группы проводились до предусмотренного срока окончания законодательных полномочий. Так как партийные системы этих относительно новых демократических государств являются не столь устойчивыми, расколы внутри партий, предвыборные партийные коалиции и формирование новых партий встречаются чаще. Это позволяет избежать новых выборов за счет перегруппировки существующих партий в парламенте. Таблица 1 показывает, что в среднем даже одной новой партии удавалось добиться существенного представительства в парламенте в ходе выборов в этих странах.

¹ Канада является частным случаем, поскольку канадский премьер-министр, как и его британский коллега, может назначить досрочные выборы в любой момент. Так, досрочные выборы нередко проводятся в ситуации, которая кажется наиболее благоприятной премьер-министру. Именно так и обстояло дело с двумя выборными циклами в Канаде, оба были выиграны консервативным правительством Харпера.

Таблица 1

**Выборы, электоральная волатильность и изменения
в правительствах 33 демократических стран Европы и Северной
Америки* (в % от всех в данной группе стран)**

Группа стран	Северная и Западная Европа, Северная Америка	Пост- коммуни- стические демокра- тии	Демокра- тии юга Европы	Все страны
Количество стран	16	11	6	33
Количество проведенных выборов	26	20	12	58
Доля досрочных выборов	42,9 %*	30,0 %	58,3 %	41,5 %*
Доля стран, где экономическая политика или рецессия — главные темы предвыборных кампаний	61,5 %	45,0 %	75,0 %	58,6 %
Доля стран с высокой электоральной волатильностью	73,1 %	100,0 %	75,0 %	82,8 %
Выборы с набором или потерей веса правительственных партий	-7,6 %	-11,0 %	-9,0 %	9,0 %
Выборы, где общая потеря доли правительственных партий превысила 10 %	34,6 %	60,0 %	33,3 %	43,1 %
Выборы, в результате которых в парламент вошли новые партии (и заняли не менее пяти мест)	15,4 %	115,0 %	41,7 %	55,2 %
Выборы, в результате которых произошли изменения в правительстве	61,5 %	120,0 %	100,0 %	87,9 %

* Норвегия, Швейцария и США не учитывались как страны с фиксированным сроком законодательных полномочий.

Досрочные выборы, некогда считавшиеся индикатором политической нестабильности, были намного более частотны в южноевропейских демократиях, где их доля составила почти 60 %. Но они также до-

вольно часто встречались и в старых демократиях, за исключением стран с мажоритарной выборной системой, в том числе Кипра и Мальты. Таким образом, можно сделать вывод, что проведение досрочных выборов для политиков теперь является не проблемой, а способом разрешения правительственного кризиса за счет обращения к избирателям в поисках выхода из политического тупика.

Экономический кризис играл наиболее важную роль в предвыборных кампаниях в южноевропейских демократиях, которые наиболее сильно пострадали от крупного государственного долга и кризиса евро. Он также принял угрожающие размеры и в старых демократиях. Хотя посткоммунистические демократии пострадали от кризиса сильнее всего, часто другие вопросы оказывались там более важными, возможно, потому что данные страны все еще сталкиваются с другими насущными проблемами, такими как конституционные споры, этнические конфликты, коррупция и политические скандалы.

Электоральная волатильность была довольно высокой в 48 из 58 избирательных кампаний. При проведении данных измерений волатильностью считалось уменьшение или увеличение доли на выборах как минимум одной политической партии на пять или более процентов от общего количества голосов. Только в двух странах — Кипре и Люксембурге — не наблюдалось существенных изменений в раскладе сил на выборах. Во многих странах с наиболее серьезными потерями голосов избирателей столкнулись именно правящие партии, например 28,8 % в Болгарии в 2009 г., 47,8 % в Греции в июне 2012 г., 29,7 % в Ирландии в 2011 г. и 34 % в Словении в 2011 и 2014 гг. Средний уровень потери голосов правящих партий на всех выборах составил 9,0 %, а улучшить свой результат правящим партиям удавалось только в 13 из 58 выборов, и улучшение это всегда составляло менее десяти процентов.

Другим индикатором электоральной волатильности является успех новых партий на выборах. В 58 рассматриваемых выборных циклах 32 новым партиям удалось получить минимум пять мест в парламенте, но часто это число было гораздо больше. Некоторые из них даже смогли набрать значительную долю общего количества голосов, например партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), выигравшая выборы в 2009 г. с 39,7 % голосов, или движение Грилло в Италии, набравшее 25,5 %. Новые партии были особенно успешны в посткоммунистических демократиях, где 23 из них получили места в парламентах в 20 выборных циклах, а также в южноевропейских демократиях на большей части про-

веденных выборов. Партийные системы старых демократий, напротив, показали себя более стабильными, но даже там на политической арене появилось много новых партий, например «Партия Вилдерса», «Истинные финны», «Шведские демократы» и «Альтернатива для Германии», ставшая самой молодой из всех участвовавших в исследовании.

Изменения в правительстве могли быть следствием конфликта в правящей коалиции или итогом поражения на выборах. С 2008 г. правительства 33 государств менялись в общей сложности 52 раза. Следует заметить, что учитывалось только изменение партийной принадлежности и большинства в правительстве¹. Только в пяти странах не произошло перемен за семь лет с 2008 г., в 14 странах состав сменился один раз, в восьми — два, а в шести странах — трижды и чаще. Наиболее часто смена правительств происходила в посткоммунистических странах, особенно в Чешской республике (3), в Латвии (4), в Румынии (4) и Словении (4). Эти страны вместе представляют 46,2 % от общего числа (52 смены в правительствах 33 стран), составляя при этом лишь треть всех рассматриваемых стран. Также там наблюдалась более сильная волатильность избирателей. Это неудивительно, так как партийные системы данных новых демократий не имели так много времени на консолидацию, как в старых демократиях.

Изменения в правительстве также довольно часто случались в юноевропейских демократиях. В то же время таблица 1 показывает, что правительственные перестановки стали более частотны и в старых демократиях, где более чем в половине выборов действующее правительство не переизбиралось.

Недавние исследования демонстрируют, что текущий экономический кризис отрицательным образом влиял также и на политическое доверие и удовлетворенность демократией. Проведенное на основании данных Европейского социального опроса 2004 и 2010 гг. исследование Полавейя² демонстрирует, что оба этих показателя сильно снизились

¹ Поэтому не рассматривались смены премьер-министров и проведение новых выборов. Также не брался в расчет партийный состав правительств, созданных по итогам досрочных выборов, и/или временных правительств, просуществовавших менее шести месяцев, так как внимание здесь уделяется исключительно партийному составу правительств.

² *Polavieja Javier G.* The great recession: Political trust, satisfaction with democracy and attitudes to welfare-state redistribution in Europe. Manuscript. Madrid:

с 2004 г., особенно в Греции, Испании и Словении, которые наиболее сильно были затронуты кризисом¹. В данной работе также показано существенное значение членства в зоне евро, где снижение данных показателей было более четким². Отчет Исследовательского центра Пью³, опубликованный в мае 2013 г., свидетельствовал о резком снижении уровня национальной экономики и способности политических лидеров справиться с экономическим кризисом, особенно в трех южноевропейских странах — Греции, Испании и Италии, а также во Франции и Великобритании⁴.

Означают ли данные индикаторы политической неудовлетворенности действиями правительств угрозу для жизнеспособности демократических институтов? Относительно молодые посткоммунистические демократии в этом отношении представляют особый интерес, так как они одновременно являются наиболее бедными странами Европы и, за исключением Польши, серьезно пострадали от рецессии в 2009 г. Можно предположить, что демократия в данных странах будет наиболее уязвимой. Но, несмотря на высокий уровень нестабильности правительств в этих странах, электоральные или парламентские поражения правительств не привели пока к конституционным кризисам. Сегодня опасность заключается не столько в том, что правящие партии не смогли смириться с поражением на выборах и отказались отступить. Как минимум не меньшую опасность представляет возможность изменения ими правил проведения выборов в целях предотвращения поражений в будущем. Коррупция и подтасовки на выборах все еще довольно распространены в некоторых из этих стран, но только правительство ФИДЕС в Венгрии открыто выступило за возвращение к авторитарной системе

IMDEA Institute, 2012. <repec.imdea.org/pdf/imdea-wp2012-08.pdf>, retrieved 2013/09/01.

¹ Ibid. P. 18–19, 35.

² Ibid. P. 21–23, 37.

³ Pew Research Center. The New Sick Man of Europe: The European Union. Manuscript. Washington (D.C.): Pew Research Center, 2013. P. 3–5. <<http://www.pewglobal.org/2013/05/13/the-new-sick-man-of-europe-the-european-union/>>, retrieved 2013/09/01.

⁴ Что интересно, поддержка евро оставалась на высоком уровне и — за исключением Греции и Польши — большинство граждан предпочитали сокращение расходов правительства увеличению социальных пособий.

правления и изменило и конституцию, и выборную систему в данном направлении. Необходимо время, чтобы понять, позволит ли это ФИДЕС остаться у власти в долгосрочной перспективе. Итальянская демократия пережила несколько попыток установления несправедливых выборных практик, а также автократию Берлускони. По сравнению с высокой политической нестабильностью демократий Центральной и Южной Европы в период между первой и второй мировыми войнами демократия в посткоммунистических странах до сих пор была необыкновенно устойчивой, что, вероятно, также связано с их членством в ЕС.

В то время как экономические и налоговые проблемы в южноевропейских странах, безусловно, очень серьезны, что выражается в высокой безработице, большой государственной задолженности и электоральных успехах открыто фашистской партии в Греции, тем не менее демократия в них не находится в опасности. Нестабильность правительства в Италии в первые сорок лет после второй мировой войны была гораздо сильнее, и сроки полномочий итальянских правительств тогда исчислялись днями, а не месяцами¹. Политическое доверие в Италии после второй мировой войны также было крайне низким. Очевидно, что нестабильность правительства нарушает возможности эффективного управления, однако вряд ли это может считаться серьезным кризисом демократии. Также со стороны избирателей не последовало единогласной серьезной критики в адрес действующих правительств, которые ввели политику строгой экономии. Больше того, большинство крупных политических партий повели себя ответственно, присоединившись в поисках прагматичных решений насущных проблем экономической политики своих государств к большим коалиционным правительствам, даже если туда входили их главные политические противники, особенно в Греции и в Италии.

Сегодня показатели электоральной и правительственной нестабильности, в первой половине XX в. свидетельствовавшие о серьезном кризисе демократии, следует интерпретировать в свете общей эрозии политического доверия, повышения волатильности избирателей и продолжающихся изменений партийных систем даже в старых демократиях. Электоральная волатильность в масштабах, которые сегодня считаются нормальными или даже скромными, была интерпретирована

¹ *Cotta M., Verzichelli L. Political Institutions in Italy. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 110–118.*

как недостаток демократической стабильности в Германии в 1950–1960-е годы, когда эксперты все еще опасались призраков нацизма. Повышенная электоральная волатильность привела к серьезным изменениям партийных систем даже в таких странах с сложившимися демократическими традициями, как Дания, Нидерланды, Бельгия, Канада и недавно Швейцария. В Великобритании, где победа отдается кандидату, набравшему простое большинство голосов, общая доля консерваторов и лейбористов снижалась с 1970-х годов, и это даже привело к созданию первого послевоенного коалиционного правительства в 2010 г.¹ Эффективное число партий, участвовавших в выборах, в Великобритании выросло с 1945 по 2010 г. с 2,7 до 3,7, даже с учетом того, что количество парламентских партий не росло пропорционально, а увеличилось только с 2,1 до 2,6². То, что раньше воспринималось как потенциально опасная политическая нестабильность, сегодня даже приветствуется интеллектуалами и социологами как достижение демократии, как показатель повышающейся гибкости избирателей и предоставления избирателям права большего влияния на решения правительств.

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПРОТЕСТА

Последние десятилетия показали значительное повышение протестной активности, направленной против решений местной администрации, национальных правительств и даже частных предприятий. Кроме того, влиятельной силой на международных саммитах и конференциях стали международные протестные движения. После начала международного финансового кризиса наблюдается резкий рост глобальных протестных движений, среди которых «Оссиру» — лишь самый заметный пример. Движение «Оссиру» («Захвати Уолл-стрит» и пр. — *прим. переводчика*) показывает, с какой легкостью протестные группы, появляющиеся сначала лишь в одной стране, могут распространиться на территорию других государств и быстро превратиться в гибкую глобальную протестную сеть. Однако не все эти организации принадлежат к тому, что обычно обозначается как *новые социальные*

¹ *Quinn Th.* From New Labour to New Politics: the British General Election of 2010 // *West European Politics*. 2011. Vol. 34, No. 2. P. 403.

² *Ibid.* P. 410.

движения, поскольку устоявшиеся организации, особенно профсоюзы, также активизировали свои мобилизационные усилия.

Политическая безмятежность послевоенного времени закончилась уже в начале 1960-х годов внезапной и неожиданной вспышкой политических протестов среди студентов в демократических странах Запада. Исследование политического действия (Political Action Study, 1979 г.), основанное на опросе, проведенном в пяти странах в 1974 г., подтвердило возникновение новых видов политического активизма помимо традиционных посреднических объединений. Большинство респондентов в четырех из пяти странах, участвовавших в исследовании, сочли законное прямое политическое действие, например демонстрации и петиции, легитимным способом формулирования своего несогласия с политикой правительства. Однако в то же время лишь некоторые респонденты (примерно 10 %) указывали, что и сами принимали участие в подобных действиях¹. Участие в прямых политических действиях имело негативную связь с возрастом и позитивную — с высшим образованием и глубокой политической компетентностью. Хотя в распоряжении авторов была только одномоментная выборка данных, они ожидали, что полученные результаты отображают долгосрочный сдвиг форматов участия в политической жизни, который в будущем изменит характер политической борьбы в странах со старыми демократиями. В то же время эти данные показывали, что обнаруженный протестный потенциал не был направлен против демократических институтов, а скорее маркировал расширение возможностей гражданского участия в политическом процессе². Больше того, протестная активность и традиционные пути участия в политической жизни, такие как голосование и деятельность в рамках традиционных промежуточных организаций, были тесно связаны. Поэтому протестные действия являются не альтернативным, а скорее дополнительным способом участия в политической жизни.

В своих выводах авторы попытались оценить вероятное влияние этих новых форматов политического участия на состояние политической системы. Они ссылаются на Хантингтона, считавшего, что «сущест-

¹ Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies / S.H. Barnes, M. Kaase, K.R. Allerback, B. Farah, F. Heunks, R. Inglehart, M. Kent Jennings, H.D. Klingemann, A. Marsh, and L. Rosenmayr. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1979. P. 548–549.

² Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. P. 27.

ствование институтов политического участия, таких как партии, группировки по интересам, ассоциации, а также механизм выборов, более не могут адекватно отвечать на запрос о расширении этого участия»¹. Исследование завершается гипотетическими заключениями относительно политических последствий, которые могут иметь эмпирические результаты опроса: «Несомненно, положение элит в будущем будет становиться все менее стабильным, менее иерархичным и всеохватывающим; вопреки ожиданиям Ч.Р. Миллса, существующая структура элит будет все более разнообразной и плюралистичной. Мы считаем, что это пойдет на пользу демократическому обществу. Кроме того, нас не пугает заявление о том, что процесс принятия решений будет усложняться из-за более широкого участия граждан. Вероятно, это действительно так, но старый аргумент эффективности не достаточен для демократического политического процесса; он должен соответствовать определенным требованиям и быть сбалансирован за счет консенсуса или легитимности. Весьма вероятно, что граждане согласятся участвовать в более длительном процессе принятия решений и принимать его политический результат, даже если он не будет соответствовать их желаниям, если само их участие в процессе будет удовлетворять их потребность к самореализации и убеждать их в легитимности данного результата»².

За 40 лет, прошедших с момента публикации Исследования политического действия, доля граждан в постиндустриальных странах, принимающих участие в прямых политических действиях, увеличивалась с невероятной скоростью³. Это уже было видно в заключении сравнительного исследования, где подводился итог изучению общественного мнения относительно государства и изменений форматов участия граждан в политической жизни с середины 1970-х до середины 1990-х годов. «Наблюдаемый рост неинституционального участия практически во всех странах является наиболее однозначным фактом, полученным в ходе данного исследования»⁴. Репрезентативный опрос 2009 г. в Германии подтверждает, что данный процесс, возможно, еще не достиг

¹ Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. P. 525.

² Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. P. 531.

³ Ср.: Dalton R.J. Citizen Politics. 4th ed. Washington (D.C.): CQ Press, 2006. P. 68.

⁴ Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Relationship Transformed // Citizens and the State / H.D. Klingemann, D. Fuchs (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 431.

своего завершения. Процент молодых жителей Германии в возрасте от 18 до 32 лет, которые ответили, что уже принимали участие в демонстрациях, вырос до 44 %, 25 % указывают, что участвовали в протестных акциях в интернете, и 77 % подписывали различные петиции¹.

Достаточное количество эмпирических данных подтверждает тот факт, что оба вида гражданского участия дополняют друг друга, и что активные граждане склоняются к использованию всего спектра доступных вариантов для отражения своих политических предпочтений: путем голосования, партийной работы, а также с помощью попыток повлиять на политические решения разного рода прямыми, более или менее яркими действиями. Возросшая готовность к участию в политическом протесте против политики правительства, однако, не подразумевает, что граждане будут «отказываться в поддержке демократической системе государственного устройства в целом или хотя бы каким-то из ее элементов»². Напротив, уровень поддержки демократии и демократических процедур за последние десятилетия только вырос.

В то же время членство в традиционных массовых организациях, особенно в политических партиях и профсоюзах, сокращается³. Впрочем данный спад вполне компенсируется возникновением большого количества групп прямого действия, поддерживающих множество различных социальных и политических инициатив, в том числе на локальном, национальном и глобальном уровнях в таких сферах, как защита окружающей среды, проблемы женщин или стран третьего мира, благотворительность, НКО или общественный надзор, как «Transparency International»⁴. Одним только своим количеством данные организации

¹ Gille, M., Hoffmann-Lange U. Jugend und politische Orientierung // Handbuch Jugend. Evangelische Perspektiven / Yvonne Kaiser et al. (eds.). Opladen: Verlag Barbara Budrich, 2013: S. 130–135.

² Ibid. S. 434.

³ Ср.: Putnam R.D. Bowling Alone. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

⁴ Huntington S.P. Postindustrial Politics: How Benign Will It Be? // Comparative Politic. 1974. Vol. 6. No. 2. P. 176; Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Changing Relationship? // Citizens and the State / H.D. Klingemann, D. Fuchs (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 1–23; Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Relationship Transformed. P. 419–443; Keane J. Monitory democracy? // The Future of Representative Democracy / S. Alonso, J. Keane, W. Merkel (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 212–235.

опровергают опасения Пудман относительно того, что упадок традиционных массовых организаций стал причиной эрозии социального капитала в постиндустриальных демократиях. И все же, как указывают Фукс и Клингеманн¹, эти новые группы и инициативы с организационной точки зрения менее институционализированы и менее стабильны. Можно также добавить, что в особенности благодаря интернету и смартфонам даже у групп, не обладающих значительными ресурсами, появилась возможность без особых затрат организовать спонтанные политические действия. «С точки зрения граждан они способны эффективно оперативно представлять интересы; с точки зрения политической системы они являются коллективным политическим актором, способным адаптироваться к изменению проблематики быстрее, чем формальные организации»².

Как справедливо замечали многие наблюдатели, рост политической активности может быть связан в первую очередь с распространением образования. Однако, хотя Инглхарт и другие утверждали, что рост уровня образованности и распространения СМИ, в особенности интернета, ускорили массовый процесс когнитивной мобилизации и рост политической осведомленности³, политика все же остается сферой, которой большинство людей уделяет мало внимания. Более глубокое понимание всех сложностей политического процесса и продолжительная вовлеченность в него остаются уделом относительно небольшой доли населения. Интерес к политике не вырос так, как этого можно было ожидать, учитывая имеющийся рост уровня образованности населения. В исследовании Ние, Юнн и Штелик-Бэрри⁴, посвященном связи образования и демократических взглядов граждан, предпринимается попытка разгадать этот парадокс. Авторы различают два с аналитической точки зрения обособленных аспекта демократических убеждений граждан: демократическая просвещенность и политическая вовлеченность. Де-

¹ *Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Changing Relationship?*

² *Ibid.* P. 19.

³ *Inglehart R.; Welzel Ch. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 28; *Dalton R.J. Citizen Politics.* 4 ed. Washington (D.C.): CQ Press, 2006. P. 25.

⁴ *Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. Education and Democratic Citizenship in America.* Chicago: University of Chicago Press, 1996.

мократическая просвещенность связана со знанием принципов демократии, приверженностью демократическим ценностям и толерантности. «Политическая вовлеченность, с другой стороны, означает способность граждан преследовать свои предпочтения в политике и характеризуется такими атрибутами, как участие в сложной политической деятельности и знание лидеров»¹.

Оба аспекта демократичности граждан связаны с формальной образованностью, но у них разная логика. Вовлеченность в политику зависит не только от образования, но и от воспринимаемой способности влиять на политические процессы. В отличие от образования, однако, влияние является дефицитным статусным товаром. Поэтому политическое участие связано с тем, что авторы называют *относительной образовательной моделью*. Рост образованности повышает конкуренцию за политическое влияние среди людей, получивших высшее образование, так что польза от высшего образования снижается. Авторы показывают, что это действительно так. Доля респондентов, участвующих в трудоемкой политической деятельности, такой как предвыборная кампания, и регулярно следящих за политическими новостями, оставалась более или менее стабильной между 1972 и 1992 гг.² Демократическая просвещенность является в свою очередь личным атрибутом, связанным с *абсолютной образовательной моделью*. Соответственно, поддержка демократических ценностей сильно выросла вместе с ростом среднего уровня образованности населения³.

Исследование Най, Юнн и Штелик-Бэрри дает подходящее объяснение некоторым парадоксам развития ценностных ориентаций граждан и форматов участия в политической жизни современных демократий. Абсолютная образовательная модель объясняет, почему рост уровня образования способствовал распространению демократических ценностей, снизив при этом уровень доверия к политикам, готовность делать денежные взносы и выходить на улицу во имя «правильных» политических идей. В любом случае, подобные действия чаще всего непостоянны и степень их влияния на отдельные вопросы ограничена. Относительная образовательная модель, напротив, объясняет, почему количество активистов, готовых посвящать значительное количество

¹ Ibid. P. 37.

² Ibid. P. 127.

³ Ibid. P. 122.

времени политике, не выросло сравнимым образом. Данный вывод подтверждается также тем фактом, что и старые, и новые организации сталкиваются с проблемами при привлечении и удержании новых членов. В то время как демонстрации могут привлечь большое количество участников, организационная работа остается прерогативой относительно стабильного ядра активистов.

ДЕМОКРАТИЯ ПРЯМОГО УЧАСТИЯ И МОНИТОРИНГОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК НОВЫЕ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ?

Распространение протестной активности долгое время считалось типичным феноменом западных стран с высоким уровнем достатка населения. Но и развитие диссидентских движений против политических притеснений в бывших коммунистических странах, и недавние восстания в арабском мире, а также повторяющиеся политические протесты в Иране, Китае и авторитарных посткоммунистических государствах, таких как Россия, Украина и Беларусь, показывают, что политический протест стал по-настоящему глобальным феноменом. Наиболее популярное объяснение распространению подобных протестов дает теория Рональда Инглхарта о смене ценностей. Даже те, кто сомневаются в правильности данной теории, не спорят с корректностью наблюдения Инглхарта о том, что произошел вековой сдвиг моделей участия в политической жизни, которое ранее *определялось элитами*, а теперь стало связано с *противодействием элитам*¹, что было подтверждено большим количеством эмпирических данных. Позднее Инглхарт и Вельцель² развили теорию смены ценностей в полномасштабную теорию взаимоотношений между модернизацией, развитием человечества и демократией. Они утверждают, что социально-экономическая модернизация привела к когнитивной мобилизации и увеличила гражданский спрос на индивидуальную свободу и демократические права участия в политической жизни.

Инглхарт и Вельцель принимают решительно восходящий подход к демократии. Данная перспектива не только отрицает релевантность

¹ Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 169.

² Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy*.

элит в процессе демократизации и консолидации демократии¹, но и не учитывает последствия снижения потребности граждан принимать решения правительства для демократических институтов. Демократия нуждается не только в формулировании интересов, но и в объединении интересов, для чего от правительств требуется способность найти баланс между различными нуждами и достичь компромисса, который обязательно разочарует тех, чьи предпочтения не стали преобладающими. В итоге Инглхарт и Вельцель опровергают *противодействие элитам* и *определение элитами* как типы поведения и не уделяют внимания различию между ними.

Политические активисты, а также многие социологи считают, что наблюдаемые перемены требуют фундаментальной реформы представительной демократии и настаивают на ее замене новой моделью *демократии прямого участия*, которая предоставляет гораздо больше прямых гражданских прав, используя, например, гражданские инициативы, референдумы, совещательные гражданские комитеты и т.д. В этой связи часто упоминается швейцарская модель прямой демократии, хотя и без признания центральной роли элит, т.е. политических партий и групп, объединенных определенными интересами, в швейцарском демократическом процессе².

Джон Кин недавно представил концепцию *мониторинговой демократии*, имеющую много общего с демократией прямого участия. Кина интересуют не столько институциональные инновации, сколько распространение контролирующих групп, осуществляющих мониторинг деятельности правительств и правительственных органов, что и стало причиной возникновения демократии нового типа³. «Мониторинговая демократия является новой исторической формой демократии, вариантом “постпарламентской” политики, определяемой быстрым ростом различных внепарламентских механизмов контроля за властями»⁴. Кин считает, что это не приведет к исчезновению или даже снижению значи-

¹ Ср.: Ibid. P. 2.

² *Kriesi H. Direct Democratic Choice: The Swiss Experience. Lanham: Lexington Books, 2005.*

³ Также у Кина упоминаются опросы общественного мнения, фокус-группы, совещательное голосование, онлайн-петиции, голосование среди публики и клиентов.

⁴ *Keane J. Monitory democracy? P. 214.*

мости выборов, политических партий, законодательных учреждений, но они потеряют свою лидирующую позицию в формировании актуальной политики. Автор считает, что это увеличит влияние обычных граждан: «Новые контролирующие власть инновации часто представляют голоса граждан, иногда от лица *невыворных представителей*, умеющих пользоваться тем, что американцы иногда называют “подиум хулигана”¹. Автор явно указывает на то, что такие новые механизмы «сломают принцип власти большинства — преклонение перед цифрами, связанное с представительной демократией»².

Сторонники идеи демократии прямого участия или мониторинговой демократии считают, что большая вовлеченность граждан в политические процессы улучшит качество демократии, но они склонны забывать о фундаментальных принципах теории элит и эмпирической политической социологии. Между тем представляется необходимым учитывать и упомянутые подходы, чтобы дать более реалистичную картину вероятных последствий роста политической вовлеченности граждан.

ТЕОРИЯ ЭЛИТ, ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И РОЛЬ ГРАЖДАН В ПОЛИТИКЕ

Роль граждан в теории элит

Классики теории элит (Вильфредо Парето, Гаэтано Моска, Макс Вебер, Роберт Михельс) были поглощены идеей универсальности (политической) власти и элит. Их главной целью была демонстрация того, что теоретическая концепция демократии как системы правления народа имела фундаментальные изъяны. В первую очередь их интересовали пути рекрутирования элит, стратегии сохранения (оснований) власти элит, а также история взлетов и падений элит. Все, кто не относился к элитам, были, по их мнению, скорее объектами, а не субъектами истории. Признавая тот факт, что элиты должны принимать во внимание предпочтения масс, они ожидали, что элиты будут делать это, манипулируя массами в свою пользу. Они также предполагали, что изучения характеристик правящего класса достаточно для понимания политики. Из этого следовало предположение о том, что если политика не в со-

¹ Ibid.

² Ibid.

стоянии решить возникающие проблемы и справиться с социальными изменениями, то в первую очередь это связано с «некомпетентностью и неадекватными действиями правящих классов»¹.

Особенно мало интересовались *массами* Парето и Моска, считавшие их более или менее нерелевантными для политики. Даже в парламентской демократии, писал Моска, парламентский представитель не является выбранным избирателями, но «сам избрался за счет избирателей»² (курсив мой. — У.Х.-Л.). Далее он утверждал, что теоретическая свобода выбора избирателей «обязательно становится нулевой, если не сказать нелепостью», хотя на следующей странице это формулируется более осторожно: избиратели имеют «ограниченное право выбора из определенного числа кандидатов». Это обязывает кандидатов «всеми силами представлять себя в выгодном свете, располагать к себе и завоевывать доброе отношение избирателей», а также «учитывать настроения масс»³.

На заре индустриализации и на раннем этапе лейбористского движения культурологи часто высказывали опасения относительно распада традиционных социальных связей, обусловленных семейными и родственными отношениями или религией, из-за чего человек лишается корней, а общество атомизируется. В этом виделся не только вред для чувства идентичности граждан, но и проблемы для социального и политического порядка, поскольку потеря социального контроля со стороны традиционных элит открывала шансы для массовой мобилизации со стороны экстремистских движений и ставила под угрозу политическую стабильность. Опасности, связанные с рождением *общества масс*, стали темой анализа различных авторов. Вот лишь несколько известных ученых, интересовавшихся данной темой: Фердинанд Тённис (1887 г.), Густав Ле Бон (1985 г.) и Хосе Ортега-и-Гассет (1935 г.)⁴.

¹ Mosca G. The Ruling Class. Revised Edition / ed. by Arthur Livingstone. N.Y.: McGraw-Hill, 1939. P. 430.

² Ibid. P. 154.

³ Ibid. P. 155–156.

⁴ Подробный анализ их аргументов приводится в работе Альберта Хиршмана (*Hirschman A.O. The Rhetoric of Reaction. Perversity, Futility, Jeopardy. Cambridge (MA): Belknap Press, 1991.*) и Джозефа Фемиа (*Femia J.V. Against the Masses: Varieties of Anti-Democratic Thought since the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2001.*).

Роберт Михельс¹ и Йозеф Шумпетер² стали первыми, кто проанализировал разделение труда между политиками и обычными гражданами в представительных демократиях. В то время как Михельс пытался продемонстрировать существование *железного закона олигархии*, управляющего жизнью всех организаций, Шумпетер разработал новую модель демократии как выборной конкуренции между политическими партиями, попытавшись примирить власть элит с демократией. Оба отводили активную роль политикам в определении политической повестки дня и оставляли гражданам в основном пассивную роль.

На основании проведенного им анализа немецкой СДПГ в период до первой мировой войны Михельс определил причины возникновения стабильного политического лидерства в демократических организациях: организационные требования и мотивация как со стороны партийных лидеров, так и со стороны рядовых членов. Он утверждал, что требование политической эффективности, заинтересованность политических лидеров в стабилизации своего привилегированного социального статуса и политическая власть, а также ограниченный интерес граждан к политическим делам и их низкая осведомленность приводят к возникновению более или менее постоянного политического лидерства даже в демократических организациях и государствах.

Похожим образом Шумпетер утверждал, что большинству избирателей не хватает знаний о политических вопросах и что политические интересы избирателей остаются латентными до тех пор, пока они не будут сформулированы политическими лидерами: «Такие стремления, как правило, не декларируются напрямую. Даже будучи сильными и определенными, они остаются латентными, часто на протяжении десятилетий, пока в них не вдохнет жизнь какой-нибудь политический лидер, который превратит их в политические факторы. Он делает это (или за него это делают его агенты), организуя данные стремления, придавая им законченный вид и включая приемлемые их части в свое конкурентное предложение»³.

¹ *Michels R.* Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Reprint of the Second edition. Stuttgart: Kröner, 1970. English Edition: Political Parties. Kitchener (Ontario): Batoche Books, 2001. (Впервые опубликовано в 1911 г.).

² *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism, and Democracy. London: Routledge, 1994. (Впервые опубликовано в 1943 г. Рус. изд-е: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.)

³ *Ibid.* P. 270–271.

Таким образом Шумпетер делает заключение о необходимости разработки модифицированной теории представительной демократии, которая признает ограниченный интерес к политике со стороны обычных граждан и опирается на конкурентные выборы и институционные ограничения для гарантии политической подотчетности избранных лидеров. Это подразумевает обратную модель представления интересов: в отличие от теории мандата, основанной на ожидании того, что представители являются агентами, реализующими требования граждан (принципалов), Шумпетер говорит об активной роли политических лидеров в разработке альтернативных программ и представлении их избирателям. В данной модели роль граждан органичивается избранием и снятием правительств. Следует заметить, что концепция демократии у Шумпетера очень похожа на взгляды М. Вебера, хотя он напрямую его не цитирует. Вебер также считал, что власть в партии находится в руках партийного руководства, а активные члены партии выполняют функцию утверждения и контроля¹.

Джованни Сартори соглашается с предположением о том, что политические курсы редко иницируются избирателями², однако он занимает более дифференцированную позицию и опровергает адекватность предложенной Карлом Дойчем *каскадной модели формирования общественного мнения*, в которой признается дифференциация граждан на основании их знаний по политическим вопросам. Он утверждает, что политический курс может быть иницирован обоими способами и что в модели Дойча слишком мало внимания уделяется «идейным группам» и их месту в политической стратификации. «В целом я бы сказал, что наши демократии достигли уровня, когда восходящие процессы формирования мнения наилучшим образом характеризуются как автономный независимый процесс»³.

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 2 Bd. / Johannes Winkelmann (Hrsg.). Köln. Kiepenheuer & Witsch, 1964. Ch. 4, § 18. (American edition: *Economy and Society* / ed. Guenther Roth & Claus Wittich. Berkeley: University of California Press).

² «Среднестатистический избиратель редко действует — он реагирует. Политические решения редко генерируются независимыми людьми — они представляются им на рассмотрение. А процессы формирования мнения не исходят от людей — они проходят через них» (*Sartori G. The Theory of Democracy Revisited*. Chatham, 1987. P. 123).

³ *Sartori G. The Theory of Democracy Revisited*. P. 94.

Посреднические объединения как связующий механизм

Теоретики плюрализма¹, в частности Роберт Даль в своей теории полиархии², отводили гражданам более активную роль в политике, чем в классической теории элит, но в то же время предполагали, что политическое влияние опосредуется через добровольные объединения и влиятельные группы, оказывающие давление на политику. Отдельные граждане воспринимаются не как простые обыватели и более или менее неграмотные судьи государственной политики (и поэтому от них ожидается не столь опосредованное участие в управлении не только путем участия в выборах), но и как члены в политических партиях и других посреднических организациях.

«Политика массового общества» Вильяма Корнхаузера — хороший пример такого рода теоретизирования, обладающий дополнительным преимуществом, поскольку описывает именно отношения элит и масс. Корнхаузер утверждает, что данные отношения включают в себя две перспективы. Восходящая перспектива предполагает доступность элит для требований масс, нисходящая перспектива — доступность остальных для доминирования и манипуляции со стороны элит. Результат их совмещения представлен в таблице 2.

Таблица 2

Отношения элит и масс

Доступность элит для требований масс	Доступность неэлит для доминирования и манипуляции со стороны элит	
	низкая	высокая
низкая	коммунальное общество	тоталитарное общество
высокая	плюралистичное общество	общество масс

¹ Aron R. Social Structure and the Ruling Class // British Journal of Sociology. 1950. Vol. 1. No. 1. P. 1–16; No. 2. P. 126–143. Reprinted in: Political Sociology / Lewis A. Coser (ed.). N.Y.: Harper & Row, 1966. P. 49–100; Stammer O. Das Elitenproblem in der Demokratie // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 1951. Bd. 71. S. 1–28; Kornhauser W. The Politics of Mass Society. L.: Routledge and Kegan Paul, 1960.

² Dahl R.A. Polyarchy. Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.

Корнхаузер утверждал, что плюралистичное общество характеризуется высоким уровнем отзывчивости элит на требования граждан, а также высоким уровнем независимости элит от общественного давления. Требования граждан передаются на уровень принятия политических решений скорее через густую сеть посреднических объединений по институционализированным каналам выражения интересов, а не через прямые массовые действия. Общество масс, напротив, характеризуется нехваткой посреднических объединений, а это означает, что взаимодействия между элитами и неэлитами становятся нестабильными. В обществе масс элиты сталкиваются с давлением требований большинства, выражаемым с помощью прямого политического действия, а граждане становятся объектами манипуляции со стороны элит. Поэтому Корнхаузер считает, что общество масс может стать жертвой тоталитаризма, так как разрозненные индивидуумы не имеют других средств влияния на политику, кроме участия в прямом политическом действии.

Теория Корнхаузера — это один из примеров, демонстрирующих старую традицию социальных наук подчеркивать культурную функцию посреднических объединений для общественной интеграции и для функционирования демократии, идущую еще от Торквилля. В эту традицию входят теории плюрализма, коммунитаризма и гражданского общества Патнэма¹. В то время как данные теории признают положительный эффект участия граждан в политическом процессе, они также предполагают, что данное участие должно происходить за счет посреднических организаций, объединяющих индивидуальные интересы, а не за счет массовых политических акций более размытых групп прямого действия, которые становятся все более частыми в последние годы.

Уроки эмпирической политической социологии

Исследования общественного мнения регулярно подтверждали тот факт, что подавляющее большинство граждан вовлечены в политические вопросы лишь маргинально и что только относительно небольшой сегмент населения обладает глубокими познаниями в политической

¹ См., напр.: *Lipset S.M. Political Man*. L.: Heinemann 1960; *Lipset S.M., Trow M., Coleman J. Union Democracy*. Garden City: Doubleday (Anchor Books), 1956; *Putnam R.D. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993; *Putnam R.D. Bowling Alone*.

сфере. В своем классическом исследовании Филип Конверс¹ утверждал, что лишь небольшое меньшинство от 10% до 20% избирателей обладало тем, что он назвал высоким уровнем политической осведомленности, в то время как политические убеждения большинства граждан отличались низким уровнем идеологической строгости и стабильности. Анализ Конверса вызвал сильную критику с различных сторон за методологические огрехи и пренебрежение политической эвристикой, которая позволяет даже менее осведомленным избирателям адекватно реагировать на политические сигналы, однако позднее Конверс² опроверг критические замечания. Он пишет, что не делал вывод о неспособности избирателей выносить политические суждения, а скорее хотел подчеркнуть невероятное разнообразие степеней политической осведомленности. Автор также признает, что точный уровень политического интереса и участия граждан в политике существенно различается в различных странах и в разные годы. Это подразумевает существование иерархии политической вовлеченности, а не дихотомию между политическими элитами и массами. Эмпирические данные не подтверждают предположение о том, что новые политические курсы всегда иницируются элитами, и не исключают, что они также могут быть иницированы группами активных граждан. Очевидно, что они будут реализованы только в том случае, если политические лидеры воспримут их всерьез и перенесут в формальные законодательные инициативы, однако данный факт сам по себе не является доказательством обратного.

Эмпирические исследования настроений избирателей, их поведения на выборах и в рамках других форм участия в политической жизни не подтверждают тот факт, что избиратели являются политически неграмотными и не способны принимать квалифицированные политические решения, но они содержат ряд возражений против оптимизма авторов, обсуждающих исключительно положительные последствия увеличения участия граждан в принятии политических решений. Еще в 1970–1980-х годах, когда заканчивался период непрерывного послевоенного экономического роста, ряд социологов пророчил перегрузку

¹ *Converse Ph.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Ideology and Discontent / D.E. Apter (ed.). N.Y.: The Free Press, 1964. P. 206–261.*

² *Converse Ph.E. Assessing the Capacity of Mass Electorates // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. P. 331–353.*

правительства и невозможность государственного управления в современных демократиях¹. Большинство этих авторов предполагало, что в связи с этим правительства столкнутся с серьезными проблемами. Они указывали на то, что рост требований граждан к правительствам может создать проблемы с управляемостью.

Хантингтон, в частности, выделял три причины подобного развития: распространение эгалитарных и индивидуалистических взглядов, снижение общественного доверия к правительственным институтам и делегитимация власти, которые все более затрудняют решение насущных политических проблем и в национальной, и в международной политике².

Все вышеуказанные теоретические и эмпирические выкладки могут помочь в оценке сложностей, связанных с увеличением гражданского участия в политическом процессе, в частности, в отношении четырех аспектов:

- выбор лидера,
- неравенство участия в политике,
- проблемы объединения интересов,
- тупиковые ситуации в политике.

Необходимо помнить не только о том, что распространение групп прямого политического действия увеличило власть граждан, но и о том, что и к данным организациям применяется железный закон олигархии. Они в первую очередь являются инструментами своих лидеров. Многие из этих лидеров — политические предприниматели, ставшие «политиками» в полной мере и зарабатывающие на жизнь, а иногда и получаю-

¹ См., напр.: *Huntington S.P. Postindustrial Politics: How Benign Will It Be?; King A. Overload: Problems of Governing in the 1970s. // Political Studies. 1975. Vol. 23. No. 3/4. P. 284–296; Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y.: New York University Press, 1975; Rose R. Ungovernability: Is There Fire Behind the Smoke? // Political Studies. 1979. Vol. 27. No. 3. P. 351–370; Parsons W. Politics Without Promises: The Crisis of “Overload” and Governability // Parliamentary Affairs. 1982. Vol. 35. No. 4. P. 421–435; Birch A.H. Overload, Ungovernability and Delegitimation: The Theories and the British Case // British Journal of Political Science. 1984. Vol. 14. No. 2. P. 135–160.*

² См., напр.: *Huntington S.P. Postindustrial Politics: How Benign Will It Be?; Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission.*

щие прибыль с помощью средств, поступающих в качестве взносов в данные организации. Хорошо известно, что многие из них, например Greenpeace, даже не практикуют демократические процедуры при выборе своих лидеров. Тот факт, что они называют себя *защитниками общественных интересов*, не должен вводить нас в заблуждение и заставлять верить в то, что они действительно существенным образом отличаются от традиционных групп, оказывающих давление на политику. Мы могли бы даже применить к ним вердикт Парето о том, что они пытаются манипулировать общественным мнением в своих интересах, заявляя о своем отличии, поскольку они преследуют реализацию коллективных благ, а не узких интересов¹.

Вторая фундаментальная проблема модели демократии прямого участия — ее пренебрежение принципом политического равенства. На основании эмпирических исследований участия в политическом процессе Макс Каазе² и Най с соавторами³ указывали на то, что стандартная модель участия в политической жизни подразумевает неравенство участия, которое растет с усложнением акта участия. Таким образом, стандартная модель участия в политической жизни напоминает закон *увеличивающейся диспропорции* рекрутирования элит Роберта Патнэма⁴. Поскольку большинство неинституционализированных форм участия в политической жизни и особенно те, которые приветствуют приверженцы демократии прямого участия, таких как петиции, электронная демократия, участие в гражданских инициативах и т.п., является в первую очередь прерогативой личностей, обла-

¹ Как было упомянуто ранее, исследование прямой демократии в Швейцарии, осуществленное Ханспетером Кризи (*Kriesi H. Direct Democratic Choice: The Swiss Experience. Lanham: Lexington Books, 2005*) также подтвердило, что в первую очередь политические партии и организованные группы, оказывающие давление на политику, играют доминирующие роли в кампаниях за успех общественных референдумов.

² *Kaase M. Politische Beteiligung und politische Ungleichheit // Politische Parteien auf dem Weg zur parlamentarischen Demokratie / Lothar Albertin (Hrsg.). Düsseldorf: Droste, 1981. S. 363–377.*

³ *Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. Education and Democratic Citizenship in America. Chicago: University of Chicago Press, 1996.*

⁴ *Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1976.*

дающих высоким уровнем социально-экономических ресурсов, они склонны сокращать институционализированное влияние граждан, обладающих меньшими ресурсами, чье участие в основном ограничивается голосованием на выборах.

Третий фундаментальный недостаток модели демократии прямого участия заключается в том, что она совершенно не учитывает проблемы объединения интересов. В то время как традиционные добровольные массовые организации обладали диверсифицированным членством, требовавшим от них объединения интересов своих членов, новые группы прямого действия гораздо более мелкие и преследуют специфические интересы, которые не требуют от них систематической рефлексии всех последствий, которые повлечет за собой успешная реализация их требований. Пьер Розанваллон¹ утверждает, что в этом кроется одна из главных причин роста протестных настроений: гораздо проще провести мобилизацию против чего-либо, так как это не требует нахождения консенсуса относительно альтернативных решений. Он заключает, что в связи с этим политическим партиям стало гораздо сложнее объединять разнообразные интересы современного общества и проводить мобилизацию в поддержку своих политических курсов.

Роберт Даль определял проблемы объединения интересов как фундаментальную дилемму плюралистской демократии, считая что группы, преследующие определенные интересы, стабилизируют социальные и политические неравенства, способствуют деформации общественного сознания, поскольку публично защищают узкие интересы, что они разрушают общественную повестку дня, определяя с помощью своих ресурсов, какие именно политические альтернативы будут всерьез рассматриваться, и используют право вето, чтобы не допустить полного контроля над своими действиями². Все это свидетельствует о том, что причиной возникновения проблем является само существование групп, представляющих определенные интересы, а не их численность. Но так же очевидно и то, что распространение небольших групп, нацеленных на довольно специфические интересы, усложняет задачи объединения интересов, поскольку давление на мелкие и когерентные

¹ *Rosanvallon P.* Counter-Democracy. Politics in an Age of Distrust. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

² *Dahl R.A.* Dilemmas of Pluralist Democracy. New Haven: Yale University Press, 1982. P. 47.

группы в связи с необходимостью хотя бы частичного объединения интересов своих участников гораздо меньше, что и отличает их от традиционных крупных объединений по интересам и особенно от крупнейших экономических и трудовых объединений. Это снижает прозрачность процесса принятия политических решений, так как попытки оказать влияние со стороны небольших групп, как правило, получают незначительную долю внимания со стороны СМИ. В своем исследовании групп, объединенных определенными интересами в США, Хайнц и др.¹ также подчеркивают, что рост фрагментированности различных ассоциаций увеличил непредсказуемость политических результатов. Подобно Р. Далю, они заключают, что и частные организации, и государственные чиновники склонны фокусироваться на достижении своих краткосрочных интересов, не обращая внимания на какие-либо негативные последствия, которые могут возникнуть в связи с этим².

Поэтому вызывает сомнение предположение о том, что модель демократии прямого действия на самом деле увеличит политическое влияние обычных избирателей и отзывчивость элит к их нуждам, как предполагали Фукс и Клингеманн³. Последнее слово в принятии решений все равно остается за политическими лидерами, которые должны объединить различные интересы и выбрать политические приоритеты. Также неясно, увеличится ли общественный контроль при чрезмерной разрозненности требований. Наконец, следует заметить, что не все из данных новых организаций преследуют демократические цели. Использование интернета в целях пропаганды всевозможных фундаменталистских и экстремистских целей показывает, что свобода организации открыта для всех и может быть использована для самых разных задач, необязательно носящих демократический характер.

Помимо прочего протестная политическая деятельность также повышает недовольство сложностями формирования демократического политического курса. Поэтому склонность организаций прибегать к политическому протесту против не устраивающих их решений не умень-

¹ *Heinz J.P., Laumann E.O., Nelson R.L., Salisbury Robert H.* The Hollow Core. Private Interests in National Policy Making. Cambridge: Harvard University Press, 1993. Ch. 12.

² *Ibid.* P. 412.

³ *Fuchs D., Klingemann H.-D.* Citizens and the State: A Relationship Transformed. P. 437.

шится с введением демократических институтов прямого участия, как предполагали некоторые¹. Довольно маловероятно, что введение прямого участия граждан в политической жизни повысит готовность принимать поражения в политике², особенно если речь идет о фундаментальных конфликтах на ценностном уровне³. Это проявилось в Германии после недавнего референдума по вопросу о строительстве нового вокзала, когда большинство проголосовавших, даже в тех районах города, которые будут наиболее сильно затронуты данной стройкой, поддерживали проект. В то время как политики партии зеленых приняли волю избирателей, небольшая группа протестующих, в течение нескольких месяцев поддерживавших палаточный лагерь рядом со стройплощадкой, решила не соглашаться с результатами референдума, и теперь эти протестующие продолжают регулярно устраивать демонстрации против строительства, хотя общественного внимания им уже уделяется меньше.

При слишком большом количестве групп, обладающих правом вето, они могут в конце концов блокировать друг друга и не допустить принятия политического решения вовсе — такая ситуация довольно часто случается в Швейцарии. Еще в 1974 г. Хантингтон писал о том, что продолжающееся расширение прямого участия граждан в политике может привести к тому, что управлять постиндустриальными обществами будет крайне сложно. Он цитирует исследование, показывающее, что американские города с населением, обладающим уровнем образования выше среднего, характеризуются более низким уровнем инноваций: «Одна из причин, которые предлагаются для объяснения данной, казалось бы, ненормальной ситуации, заключается в том, что распространение образования ведет к повышению интереса и степени участия в политике, что, в свою очередь, становится причиной тупиковых ситуаций в политике»⁴.

Похожим образом Сартори утверждает, что меньшая власть политических лидеров необязательно подразумевает наличие большей власти

¹ См., напр.: *Schmidt M.G.* Demokratietheorien. 3. Auflage. Opladen: Leske + Budrich, 2006.

² *Scharpf F.* Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung. Kronberg: Scriptor Verlag, 1975.

³ *Rose R.* Ungovernability: Is There Fire Behind the Smoke?

⁴ *Huntington S.P.* Postindustrial Politics: How Benign Will It Be? P. 177.

у народа. В то время как «общий тренд западных демократий до сих пор развивался в направлении диффузного бессилия, слабости и паралича, довольно продолжительное время растущей силой является разнообразное, разноплановое “право вето” — сила, заключающаяся в блокировании действий».¹

Карьерные последствия для политиков и представителей элит

Рост волатильности избирателей и серьезные изменения в национальных партийных системах снизили уровень стабильности политических карьер. Партии в большой степени лишились своей прежней способности гарантировать потенциальным кандидатам и должностным лицам (пере)назначение или переизбрание в обмен на активную работу на благо партии. Относительная неуверенность влияет не только на самих парламентариев, но и на их сотрудников. После выборов в Бундестаг 2014 г., когда СвДПГ не смогла преодолеть 5-процентный барьер, около 500 штатных сотрудников потеряли работу вместе с 93 депутатами СвДПГ². Более трети сегодняшних депутатов Бундестага (34,2 %) избраны впервые, у 22 % идет второй, у 13 % третий срок парламентских полномочий. На основании анализа переизбрания государственных парламентариев в Германии Бест и Яр заключают, что рабочие места в политической сфере являются нестабильными, поскольку вероятность потери мандата после первого срока довольно высока: 26 % в земельных парламентах на западе и целых 62 % на востоке Германии³. Авторы характеризуют профессиональную деятельность, связанную с политикой, как нестабильную, эпизодическую и неспециализированную в плане профессиональной сферы, требующей квалификации и карьерных перспектив⁴. Также авторы ожидают, что в связи с этим должностные лица в политике будут делать все, чтобы увеличить собственные доходы и снизить риски своей должности. Такое превали-

¹ Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. P. 122.

² Kempkens S., Weiland S. Aus für 500 FDP-Angestellte: Eine Fraktions wird abgewickelt // SPIEGEL online, September 23, 2013 (accessed 2014/09/23).

³ Best H., Stefan J. Politik als prekäres Beschäftigungsverhältnis. Mythos und Realität der Sozialfigur des Berufspolitikers im wiedervereinten Deutschland // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2006. Vol. 37. S. 74.

⁴ Ibid. S. 79.

рование краткосрочной перспективы — прямая противоположность тому, что мы ждем от парламентариев, которых наделяем ответственностью за благополучие наших стран.

Данные проекта EURELITE показывают, как в долгосрочной перспективе менялся расклад сил в парламентах европейских государств с середины XIX в. Они демонстрируют заметное влияние обеих мировых войн, а также смены политических режимов на изменение сил в парламентах. Неудивительно, что первые выборы после перехода к демократии, как правило, приводят к очень значительной смене парламентских партий по сравнению с предыдущими выборами и по сравнению с последними демократическими выборами перед приходом к власти авторитарных или тоталитарных сил¹. Более интересным в данном контексте является рост масштабов изменений в парламентах с 1980-х годов. Средний срок парламентских полномочий снизился с 2,7 срока в 1980-х годах до 2,3 срока в 1990-х, но затем немного вырос до 2,4 в первой половине 2000-х годов². Эти данные также показывают, что такой тренд не является ни в достаточной степени выраженным, ни единообразным. Исследование Матланд и Студлар³, в котором сравниваются изменения в парламентах двадцати пяти развитых демократических стран в период с 1979 по 1994 г., показывает серьезные различия между государствами. Наименьшая средняя сменяемость парламентских партий наблюдается в США (15,1%)⁴, затем

¹ *Cotta M., Luca V.* Paths of Institutional Development and Elite Transformations // *Democratic Representation in Europe* / M. Cotta, H. Best (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 467–469; *Best H.* New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites // *Comparative Sociology*. 2007. Vol. 6. P. 101, 109.

² *Best H.* New Challenges, New Elites? P. 109; *Cotta M., Luca V.* Paths of Institutional Development and Elite Transformations. P. 473; *Verzichelli L.* Degradable elites? Modes and factors of parliamentary turnover in the early XXI century. Paper for the conference “Farewell to the elites?”, University of Jena, 25–26 September 2014.

³ *Matland R.E., Donley T.S.* Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis // *British Journal of Political Science*. 2004. Vol. 34. P. 87–108.

⁴ Процент переизбрания в Палате представителей США был очень высоким на протяжении большей части послевоенного периода, варьируясь от 80 % до свыше 90 %, за исключением 1993 г., когда он опустился до 74 % (*Manning J.E., Petersen R. E.* First-Term Members of the House of Representatives and

следует Австралия (20 %) и Западная Германия (22,3 %), а Франция (43,3 %), Испания (44 %), Португалия (45,2 %) и Канада (46,9 %) расположились в противоположной части спектра¹. Низкая сменяемость парламентариев в Палате представителей США, вероятно, связана с американской двухпартийной системой и избранием относительным большинством голосов в небольших избирательных округах, где личностные и опытные факторы более важны, чем партийная принадлежность, и где границы округов перекраиваются для осуществления предвыборных махинаций. Можно найти противоположный тренд в посткоммунистических демократиях, где все началось с высоких показателей сменяемости в 70 %, а к настоящему времени эта доля немного снизилась², но можно также предполагать, что она останется на высоком уровне, пока будет сохраняться крайняя волатильность партийных систем. Показатели сменяемости в парламентах старых демократий находятся где-то между этими экстремальными значениями, и в последние годы наблюдается их рост. В Канаде сменяемость парламентариев начала расти после 1980 г. и в 1993 г. составила 66,1 %³. В Германии рост сменяемости заметен, но не очень ярко выражен. За исключением двух выборных циклов в Бундестаг, средняя сменяемость на выборах с 1961 по 1987 г. составляла 24 %, а с 1990 по 2013 г. выросла до 29,5 % (табл. 3)⁴.

Senate, 64th — 113th Congresses. Washington: Congressional Research Service, 2013. — CRS Report for Congress 7-5700. <www.crs.gov>.

¹ *Matland R.E., Donley T. S.* Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis. P. 93.

² *Edinger M.* Elitism in Central and Eastern Europe // *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* / H. Best & J. Higley (eds.). Leiden: Brill, 2010. P. 145.

³ *Docherty D.C.* Mr. Smith Goes to Ottawa: Life in the House of Commons. Toronto: UBC Press, 1997. P. 52.

⁴ Поскольку авторы анализировали институциональные детерминанты в процессе сменяемости, они не предоставили информацию о развитии показателей во времени, влиянии волатильности избирателей или о последствиях высокой сменяемости для законодательного процесса. Однако они продемонстрировали, что в новых демократиях есть склонность к более высоким показателям сменяемости парламентариев.

Таблица 3

Новые депутаты в немецком Бундестаге (%)

Год выборов	Доля новых депутатов	Год выборов	Доля новых депутатов
1949	100,0 %	1983	17,7 %
1953	48,1 %	1987	21,2 %
1957	30,6 %	1990	35,5 %
1961	25,1 %	1994	30,2 %
1964	25,5 %	1998	24,8 %
1969	30,1 %	2002	28,7 %
1972	28,0 %	2005	23,0 %
1976	22,6 %	2009	32,9 %
1980	24,9 %	2013	34,2 %

Карьеры в других элитных секторах, вероятно, стали также менее предсказуемыми, причем не только на высшем уровне. Предполагается, как правило, что кандидаты на высокопоставленные должности являются довольно гибкими, а частая ротация на всех уровнях иерархии считается желательной. В бизнесе позиции в совете директоров и особенно посты директоров крупнейших промышленных корпораций стали менее стабильными в последние годы. Опрос топ-менеджеров 50 крупнейших немецких компаний показал, что хотя средний возраст достижения позиции директора оставался довольно постоянным и лишь немного снизился с 53 до 51 по сравнению с 1960 г., средняя продолжительность нахождения на данном посту сократилась с 11 до восьми лет¹. И хотя данные перемены не являются решающими, они подтверждают общую тенденцию, которая, вероятно, продолжится.

Впрочем, в отсутствие более надежных данных и глубоких исследований предположения о последствиях повышения волатильности на выборах и нестабильности карьер элит остаются спекуляциями. Нельзя исключить, что элиты адаптируются к данным вызовам и что качество исполнения ими своих обязанностей не пострадало в той мере, как этого можно было ожидать.

¹ Freye S. Führungswechsel. Die Wirtschaftselite und das Ende der Deutschland AG. Frankfurt/Main: Campus, 2009. S. 63–65.

ВЫВОДЫ: ВРЕМЕННЫЕ И ДЛИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ РЕЦЕССИИ

Как связаны два направления анализа, приведенные в статье? Представляется, что кризис ускорил политический тренд в политических ценностях, взглядах и форматах участия граждан в политике, который существовал в европейских и североамериканских демократических странах с 1970-х годов. Конечно, еще слишком рано оценивать добавочное влияние экономического кризиса. Много будет зависеть от готовности элит к сотрудничеству в борьбе с глубокой экономической рецессией без угроз стабильности демократических институтов.

Что касается фрагментированности партийных систем, общий тренд явно направлен в сторону еще большей их разобщенности¹. Это особенно очевидно в странах со старыми демократиями, где в последнее время появились новые типы популистских, антиэмигрантских партий, лишь частично обязанные успехом кризису, а в большей степени — глубоким социально-экономическим изменениям и нестабильности, ставшими следствиями глобализации. В то же время новые партии образовались в Греции и Италии в качестве реакции на кризис. Кроме того, рецессия также сделала явными фундаментальные недостатки политических институтов и партийных систем в этих двух странах. Выживание традиционных социальных сетей укрепило развитие клиентелистских партий, которые способствовали раздуванию государственной службы и государственных бюджетов для удовлетворения своих избирателей². Кризис показал, что это нанесло удар по конкурентоспособности экономик этих стран на мировом рынке. Впрочем, сокращения бюджетных расходов, требуемые ЕС, ЕЦБ и Всемирным банком в обмен на предоставление финансовой помощи, с трудом достижимы при низкой производительности и сокращении доли занятого населения. Это сделало свой вклад в электоральный успех новых протестных партий, мобилизующих общественное сопротивление реформам. Другие страны смогли войти в режим строгой экономии без подобных политических сложностей.

¹ Иначе развиваются события в Румынии, где к выборам 2012 г. были сформированы две широкие коалиции. Однако будут ли они стабильными или распадутся, предстоит оценить в будущем.

² О ситуации в Греции см.: Pappas T.S. Why Greece Failed // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 31–45.

Рост фрагментированности партийных систем в комбинации с увеличением протестного потенциала избирателей сделал политическую борьбу более изменчивой и менее предсказуемой. Некоторые ученые интерпретировали данные процессы как более высокую стадию демократизации, но я постаралась указать на менее оптимистичные последствия, связанные с ростом протестного потенциала. Традиционные политические партии в связи с этим сталкиваются с выбором между реагированием на краткосрочные запросы своих избирателей и ответственным отношением к долгосрочным последствиям принимаемых политических решений. Без институтов, транслирующих требования граждан в политическую систему, активное участие в политической жизни нарушит возможности широкого объединения интересов и пойдет на пользу только тем, кто сможет лучше использовать свое политическое влияние на благо собственных узких интересов.

Перевод с немецкого Владимира Балахонова

Таблица 4
Некоторые экономические показатели европейских и североамериканских демократий с 2007 г.

Страна	ВВП на душу населения, в долл. США			Рост ВВП, в %					Процент безработицы			Государ- ственный долг, в % от ВВП 2011
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011		
1. Австрия	45,181.5	45,859.4	47,226.2	3.7	-3.8	2.1	0.8	4.4	4.8	4.1	75	
2. Бельгия	43,255.4	43,843.1	43,412.5	2.9	-2.8	2.4	-0.3	7.5	7.9	7.1	91	
3. Болгария	5,498.0	6,403.1	6,986.0	6.4	-5.5	0.4	0.8	6.9	6.8	11.2	15.4	
4. Хорватия	13,376.0	14,053.8	13,227.5	5.1	-6.9	-1.4	-2.0	9.6	9.1	13.4	(68.2)*	
5. Кипр	27,860.3	29,427.9	26,315.5	5.1	-1.7	1.3	-2.4	3.9	5.3	7.7	112.6	
6. Чехия	17,467.4	18,805.7	18,607.7	5.7	-4.5	2.5	-1.3	5.3	6.7	6.7	38.3	
7. Дания	57,021.2	56,226.6	56,210.2	1.6	-5.7	1.6	-0.5	3.8	6.0	7.6	50.6	
8. Эстония	16,392.7	14,264.0	16,316.5	7.5	-14.1	3.3	3.2	4.7	13.8	12.5	7.1	
9. Финляндия	46,538.2	44,837.7	46,178.6	5.3	-8.5	3.3	-0.2	6.8	8.2	7.7	47.7	
10. Франция	40,341.9	40,487.9	39,771.8	2.3	-3.1	1.7	0.0	8.0	9.1	9.3	93.7	
11. Германия	40,403.0	40,275.3	41,514.2	3.3	-5.1	4.2	0.7	8.6	7.7	5.9	55.6	
12. Греция	27,288.3	28,451.9	22,082.9	3.5	-3.1	-4.9	-6.4	8.3	9.5	17.7	106.5	

Страна	ВВП на душу населения, в долл. США			Рост ВВП, в %					Процент безработицы			Государ- ственный долг, в % от ВВП
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011		
13. Венгрия	13,534.7	12,634.6	12,621.7	0.1	-6.8	1.3	-1.7	7.4	10.0	10.9	81.6	
14. Исландия	65,566.3	38,037.8	42,658.4	6.0	-6.6	-4.1	1.6	2.3	7.2	7.1	118.9	
15. Ирландия	59,286.6	50,245.6	45,835.7	5.4	-5.5	-0.8	0.9	4.6	11.8	14.4	104.3	
16. Италия	35,826.0	35,073.2	33,048.8	1.7	-5.5	1.7	-2.4	6.1	7.8	8.4	110.9	
17. Латвия	12,638.1	11,475.7	14,008.5	10.0	-18.0	-0.3	5.6	6.0	17.1	15.4	42.1	
18. Лихтенштейн	130,348.6	134,617.4		3.3	-1.2						-	
19. Литва	11,584.2	11,033.6	14,150.2	9.8	-14.7	1.3	3.7	4.3	13.7	15.4	43.5	
20. Люксембург	106,919.5	100,541.2	107,475.9	6.6	-4.1	2.9	0.3	4.1	5.1	4.9	16.8	
21. Мальта	18,369.0	19,564.2	20,847.6	4.3	-2.7	2.7	1.0	6.5	6.9	6.4	84	
22. Нидерланды	47,770.8	48,173.9	46,054.4	3.9	-3.7	1.6	-1.0	3.2	3.4	4.4	66	
23. Норвегия	83,556.2	78,457.4	99,557.7	2.7	-1.6	0.5	3.1	2.5	3.2	3.3	20.2	
24. Польша	11,157.3	11,294.9	12,707.9	6.8	1.6	3.9	1.9	9.6	8.2	9.6	(57.1)*	
25. Португалия	21,845.2	22,019.3	20,182.4	2.4	-2.9	1.9	-3.2	8.0	9.5	12.7	92.5	
26. Румыния	7,856.5	7,651.0	7,942.8	6.0	-6.6	-1.6	3.7	6.4	6.9	7.4	(37.2)*	
27. Словакия	15,583.4	16,100.1	16,934.3	10.5	-4.9	4.2	2.0	11.0	12.1	13.5	45.5	

	ВВП на душу населения, в долл. США			Рост ВВП, в %					Процент безработицы			Государ- ственный долг, в % от ВВП
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011		
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011		
28. Словения	23,441.0	24,051.0	22,092.3	6.9	-8.0	1.4	-2.3	4.8	5.9	8.2	(53.2 %)*	
29. Испания	32,118.1	31,714.2	29,195.4	3.5	-3.7	-0.3	-1.4	8.3	18.0	21.6	55.2	
30. Швеция	50,558.4	43,639.5	55,244.6	3.3	-5.0	6.6	0.7	6.1	8.3	7.5	38.3	
31. Швейцария	59,663.8	65,790.1	79,052.3	3.8	-1.9	3.0	1.0	3.6	4.1	4.1	27.7	
32. Великобритания	46,330.2	35,331.3	38,514.5	3.6	-4.0	1.8	0.3	5.3	7.7	7.4	101.2	
33. Канада	43,248.5	39,659.1	52,219.0	2.2	-2.8	3.2	1.7	6.0	8.3	7.4	52.5	
34. США	46,349.1	45,305.1	49,965.3	1.9	-3.1	2.4	2.2	4.6	9.3	8.9	81.8	

Источник: сайт Всемирного банка <<http://data.worldbank.org>>

* Источник: Справочник ЦРУ <<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>>

Таблица 5

**Выборы, электоральная волатильность и изменения
в правительствах 33 европейских
и североамериканских стран с 2008 г.**

Показатели:

1. Досрочные / регулярные выборы: выборы до истечения предусмотренного срока полномочий / выборы в установленный срок (4–5 лет).
2. Релевантность экономического кризиса в предвыборной кампании: Были ли центральной темой предвыборных кампаний действия правительства по борьбе с экономическим кризисом / кризисом Еврозоны / государственным долгом?
3. Высокая электоральная волатильность: как минимум одна из партий, участвовавших в выборах, потеряла или приобрела более 5 % голосов.
4. Средний показатель приобретения / потери голосов партий по сравнению с предыдущим правительством.
5. Количество новых партий в парламенте: минимум 5 мест.
6. Количество изменений в правительстве / законодательном большинстве с 2008 г.: любые изменения партийного состава либо большинства / меньшинства в правительстве, либо смена премьер-министра (для США — смена партии, контролирующей президентский пост, Сенат).

	Страна	Количество выборов с 2008 года	Количество дочерних выборов с 2008 года	Релевантность экон. кризиса в предвыборных кампаниях	Выборы с высокой электоральной волатильностью	Средний показатель приобретения/потери голосов	Выборы с общей потерей голосов более 10 %	Количество новых партий, вошедших в парламент	Количество изменений в правительстве с 2008 года
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Австрия	2	1	0	2	-9.5 %	1	2	0
2	Бельгия	2	1	0	1	+5.6 %	1	1	1
3	Болгария	2	1	0	2	-19.0 %	1	2	2
4	Хорватия	1	0	0	1	-13.1 %	1	1	1
5	Кипр	1	0	1	0	-0.7 %	0	0	1
6	Чехия	2	1	1	2	-22.3 %	2	5	3
7	Дания	1	0	1	1	-6.5 %	0	0	1
8	Эстония	1	0	1	1	+3.4 %	0	0	0
9	Финляндия	1	0	1	1	-10.7 %	1	0	1
10	Франция	1	0	1	1	-12.4 %	1	0	1
11	Германия	2	0	1	2	-7.4 %	1	0	1
12	Греция	3	3	3	3	-15.9 %	1	2	4
13	Венгрия	2	0	1	2	-15.9 %	1	2	2
14	Исландия	2	1	2	2	-18.8 %	1	1	2
15	Ирландия	1	1	1	1	-29.7 %	1	0	1
16	Италия	2	2	2	2	-20.2 %	2	3	3
17	Латвия	2	1	0	2	-1.5 %	2	1	4
18	Литва	2	0	2	2	-23.9 %	2	3	2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
19	Люксембург	2	1	0	0	-2.3 %	0	0	1
20	Мальта	2	0	0	1	-1.8 %	0	0	1
21	Нидерланды	2	2	2	2	-9.8 %	1	0	2
22	Норвегия	1	-	0	1	-3.8 %	0	0	1
23	Польша	1	0	0	1	+2.9 %	0	1	0
24	Португалия	2	1	2	2	-8.5 %	0	0	2
25	Румыния	2	0	1	2	+3.9 %	0	1	4
26	Словакия	2	1	2	2	-11.0 %	1	3	2
27	Словения	3	2	1	3	-24.2 %	2	4	4
28	Испания	2	1	1	1	-7.1 %	1	0	1
29	Швеция	2	0	1	1	-4.6 %	1	0	1
30	Швейцария	1	-	0	1	-5.9 %	0	0	0
31	Великобритания	1	0	1	1	-6.2 %	0	0	1
32	Канада	2	2	2	1	+1.7 %	0	0	0
33	США ¹	3	-	3	1	-2.0 %	0	0	2
	Сумма/в среднем	58	22	34	48	-9.0 %	25	32	52
	Доля всех выборов	100.0 %	41.5 %²	58.6 %	82.8 %	43.1 %	55.2 %	89.7 %	

Источники: Европейская база выборов Норвежского архива социологических данных (NSD) <http://www.nsd.uib.no/european_election_database/>, национальные избирательные комиссии, статьи о выборах в журнале «Исследования выборов» (*Electoral Studies*), интернет (Wikipedia и пр.)

1. Приобретение/потеря голосов президентской партии в Палате представителей; изменения правительства фиксировались, когда контроль в законодательной власти переходил от (a) президентской партии либо к обеим партиям, либо к другой партии, или же (b) от обеих партий к президентской партии.

2. Норвегия, Швейцария и США не учитывались, так как сроки полномочия законодателей там закреплены в конституции.